

Научная статья

УДК 930.221

DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-1-2>

Эго-документы как объект исторического исследования: истоки и эволюция подходов

Ego-documents as an Object of Historical Research: Origins and Evolution of Approaches

© **Андросова Наталья Сергеевна**

младший научный сотрудник лаборатории книговедения, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук (ГПНТБ СО РАН), ул. Восход, 15, Новосибирск, 630008, Россия
ORCID: 0000-0003-3281-6306
e-mail: andronat58@yandex.ru

Androsova Natalia Sergeevna

Junior Researcher of the Laboratory of Book Study, State Public Scientific Technological Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SPSTL SB RAS), 15 Voskhod St., Novosibirsk, 630008, Russia
ORCID: 0000-0003-3281-6306
e-mail: andronat58@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – представление эволюции исследовательских подходов к эго-документам в исторической науке, начиная с их философских истоков и заканчивая современными междисциплинарными практиками. Актуальность темы обусловлена возрастающим интересом к эго-документам в современной исторической науке, которая рассматривает их как ключевые источники для изучения субъективности, повседневности и идентичности. Установлено, что методологические основания включения эго-документов в исторический дискурс лежат в таких философских течениях, как герменевтика, феноменология и нарративная теория идентичности. Они сформировали подходы к эго-документам как к особым источникам исторического знания, дающим возможность углубленного анализа событий прошлого через индивидуальные тексты и смыслы. Особый вклад в перестройку исследовательской парадигмы внесла школа «Анналов», сместившая фокус с событийной истории и описания жизни известных личностей на ментальность и повседневность обычных людей. Германоязычная школа *Alltagsgeschichte* и микроисторический подход сформировали основные методы работы с личными свидетельствами. Отечественные исследователи обратились к изучению эго-документов вследствие отказа от идеологизированных советских схем, заимствуя терминологию и подходы истории повседневности и микроистории и вырабатывая собственные практики работы с этими источниками. В статье определены перспективы использования эго-документов в исследованиях, заключающиеся в консолидации социогуманитарных наук и дальнейшей цифровизации методов работы.

Abstract. The purpose of this article is to trace the evolution of research approaches to ego-documents in the historical scholarship, from their philosophical origins up to contemporary interdisciplinary practices. The relevance of this topic stems from the growing interest for ego-documents in the modern historical scholarship, which views them as key sources to study subjectivity, everyday life, and identity. It has been stated that methodological foundations for incorporating ego-documents into the historical discourse lie in such philosophical movements as hermeneutics, phenomenology, and narrative theory of identity. They have shaped approaches to ego-documents as special sources of historical knowledge, enabling an in-depth analysis of past events through individual texts and meanings. The “Annales” school made a special contribution to the restructuring of the research paradigm, shifting the focus from the event-based history and descriptions of lives of “individuals” to the mentality and everyday life of ordinary people. The German-language *Alltagsgeschichte* School and the microhistorical approach shaped the core methods of working with personal testimonies. Russian researchers’ rejection of ideologically driven Soviet paradigms resulted in their turn to the study of ego documents, borrowing terminology and approaches from everyday history and microhistory and developing their own practices for working with these sources. The article identifies the prospects for using personal sources in researches, consisting in consolidation of social sciences and humanities and further digitalization of research methods.

Ключевые слова: эго-документы, историческая наука, субъективность, микроистория, история повседневности, коллективная память, идентичность

Для цитирования: Андросова Н. С. Эго-документы как объект исторического исследования: истоки и эволюция подходов // Труды ГПНТБ СО РАН. 2026. № 1. С. 20–28. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-1-2>

Введение

В современном социогуманитарном знании все активнее используется термин «эго-документы», введенный в 1958 г. голландским историком Жаком Прессером для объединения в одну группу источников ярко выраженного личного характера – автобиографий, мемуаров, дневников, писем, журналов путешествий. По его определению, эго-документы – «это те исторические документы, в которых исследователь сталкивается с “Я” или иногда (Цезарь, Генри Адамс) “Он” как одновременно пишущим и присутствующим в тексте субъектом описания» [цит. по: 1, с. 185]. Значение подобных источников для исторических трудов связано с их способностью передавать личностный взгляд на события, детально фиксировать повседневные практики и раскрывать ценности и нормы конкретных сообществ – то, что остается за пределами официальных корпусов документов.

В советской исторической науке для анализа источников личного происхождения было выработано множество различных методов, направленных прежде всего на выявление фактов и определение их достоверности. Однако в научных работах эти источники играли второстепенную роль: выраженная субъективность эго-документов считалась главным аргументом против их широкого использования. Ситуация начала меняться с переоценкой роли субъективного опыта в историческом познании, с поворотом к изучению повседневности и развитием микроистории; вслед за зарубежной гуманитаристикой отечественные ученые стали активнее осваивать соответствующие понятия, подходы и методы. Настоящая статья исходит из того, что сегодня отсутствует цельная «карта» эволюции взглядов на эго-документы, которая бы одновременно связывала философские основания (герменевтика, феноменология, концепт нарративной идентичности) с практиками источниковедческого анализа и учитывала российскую специфику их применения. Цель работы – проследить путь от философских истоков к современным междисциплинарным и цифровым практикам, зафиксировать вклад зарубежных и отечественных школ и показать, какие возможности и ограничения эти практики вносят в исследование источников личного происхождения.

Keywords: ego-documents, historical science, subjectivity, microhistory, history of everyday life, collective memory, identity

Citation: Androsova N. S. Ego-documents as an Object of Historical Research: Origins and Evolution of Approaches // Proceedings of SPSTL SB RAS. 2026. No. 1. P. 21–28. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2026-1-2>

Философские истоки изучения субъективности

Истоки изучения субъективности лежат в плоскости философского знания. Философские основания интереса к эго-документам обычно связывают с герменевтической и феноменологической традициями. Первым философом, который указал на значимость изучения субъективности и дал ей устойчивую методологическую форму, следует считать Вильгельма Дильтея (1833–1911). Он ввел понятие «наук о духе», подразумевавшее гуманитарные науки и противопоставленное «наукам о природе» (естественным). «Науки о духе» ориентируются не на обобщающее объяснение по типу естествознания, а на понимание – реконструкцию «внутреннего опыта», понимаемого философом как состояние сознания человека [2, с. 273]. Подлинный образ мира, по В. Дильтею, можно найти только в сознании, но для этого необходимо правильно анализировать факты, содержащиеся в нем.

Феноменология Эдмунда Гуссерля (1859–1938) усилила этот поворот к внутреннему опыту, так называемым внутренним основаниям. В работе «Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология» он диагностировал упадок объективистской рациональности и призвал вернуться к сознанию как внутреннему основанию и условию возможности знания. Гуссерль видел два пути развития науки: тупиковый путь натуралистического объективизма, игнорирующего конституирующую роль субъективности, и путь трансцендентальной феноменологии, которая рассматривает объективный мир как результат создающей деятельности сознания. По его мнению, «отсутствие истинной рациональности и является источником той уже невыносимой непроясненности, какую испытывает человек по отношению к своему собственному существованию и его бесконечным задачам» [3, с. 325–326]. Отсюда – предложение отказаться от «естественной установки» (обращения к внешнему миру), требование феноменологической редукции (эпохэ) и внимание к способам приобретения опыта: внешний мир становится феноменом сознания [3, с. 325–326].

Герменевтическая линия замыкается концепцией нарративной идентичности, принадлежащей французскому философу Полю Рикёру (1913–2005). По П. Рикёру, личная идентичность формируется через нарративы: только посредством рассказа создается такое отношение к себе, в котором субъект заявляет о себе как о себе и возлагает на себя действия, которые ему приписывает или может приписать другой [4, с. 101]. Этот подход П. Рикёр использует для решения проблем тождества личности, идентичности, а также субъекта и субъективности. Философ подчеркивает разницу между идентичностью-тождественностью и идентичностью-самостью [5, с. 146]. В одной из главных своих работ «Я-сам как другой» Рикёр формулирует четыре исследовательских вопроса: «Кто говорит?», «Кто действует?», «Кто рассказывает о себе?», «Кто является моральным субъектом вменения?» [5, с. 33–34] и оправдывает «косвенный, обходной анализ <...> через знаки, символы и тексты», поскольку они конститутивны для человека, способного «обозначать себя как говорящего, действующего, само-рассказывающего и вменяемого» [4, с. 103].

Важно подчеркнуть, что названные философские течения (герменевтика и феноменология) стали основой для научно-исторического интереса к эго-документам. Именно на пересечении герменевтики понимания, феноменологии и нарративной идентичности становится ясным, почему обращение к документам личного происхождения методологически оправдано.

В. Дильтей предложил идею «понимающей герменевтики», предполагающую понимание и истолкование личных текстов (воспоминаний и автобиографий) с целью анализа жизненных циклов каждого отдельного человека и в конечном итоге составления картины жизненной активности всего человечества. При таком понимании автобиографический текст является выражением духовного через рассказ автора о переживании им чувственных проявлений своей жизни [6, с. 69].

Предложенная В. Дильтеем идея изучения субъективности через автобиографические тексты была реализована его последователем, философом Георгом Мишем (1878–1965), поставившим феномен автобиографии в центр своих интересов. Г. Мишу принадлежит фундаментальный многотомный труд «История автобиографии», включающий сотни личных текстов, созданных начиная с античного периода. Как отмечает Ю. П. Зарецкий, Г. Миш в своей работе, как и в целом исследователи, использовавшие автобиографические свидетельства в тот период (в частности, швейцарский историк Я. Буркхардт), основывались на трех постулатах [7]:

1) история субъективности и история автобиографии связаны: трансформация индивида ведет за собой трансформацию порождаемых им текстов;

2) указанная трансформация имеет неравномерный, но прогрессивный характер: индивид с течением времени все больше обособляется, его личность усложняется, что, соответственно, проявляется в автобиографических текстах;

3) несмотря на историческую изменчивость, индивид/личность/я/субъект всегда присутствуют в обществе, являясь источником (само)сознания каждого отдельного человека.

При этом главным предметом в издаваемой Г. Мишем «Истории автобиографии» становится не сама автобиография как литературная форма, а «великий общечеловеческий процесс становления индивидуалистической личности, нашедший наиболее полное и яркое выражение в западном мире» [7, с. 220].

Значение идей Э. Гуссерля для исторической науки, помимо указания на необходимость анализа субъективного опыта, заключается еще и в том, что он первым в мировом социогуманитарном знании обратил внимание на значимость осмысления не только высоких теоретических абстракций, но и повседневности, «сферы человеческой обыденности», которую он определил как «жизненный мир» [8, с. 3].

П. Рикёр также отводил важное значение в изучении субъективности автобиографическим текстам. По П. Рикёру, посредничество читателя между автором и произведением является определяющим для его смысла [5, с. 190]. Любой нарратив уникален, и, обращаясь к аудитории через него, автор конструирует свою историю и идентичность. Всякая интерпретация, по П. Рикёру, нацелена на преодоление расстояния между прошедшей культурной эпохой, в которой был создан определенный текст, и самим интерпретатором. Герменевтика, таким образом, служит пониманием самого себя через другого, или иными словами – теорией операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов.

Таким образом, философские традиции герменевтики, феноменологии и нарративной теории идентичности не только обеспечили методологическую базу для изучения субъективности, но и создали теоретические предпосылки для интеграции эго-документов в исторический дискурс. Эти подходы позволили выйти за рамки классического фактоцентризма и увидеть в личных текстах уникальный источник исторического знания, раскрывающего внутренний опыт человека и его место в историческом процессе. Благодаря этому появилась возможность придать эго-документам статус полноценного объекта научного анализа, способствующего углубленному пониманию прошлого через призму индивидуальных смысловых конструкций.

От философских оснований к исследовательским практикам: эго-документы в зарубежной историографии

Интеллектуальные направления, акцентирующие первичность субъективного опыта и способы его репрезентации, определили зарождение новой парадигмы в зарубежных социально-гуманитарных науках. В практиках исторических изысканий на их основе складывается теоретическая рамка, в которой эго-документы рассматриваются не как второстепенный иллюстративный материал по отношению к фактам, а как специфический тип свидетельств о прошлом, требующий собственных приемов критики и интерпретации.

Значительный вклад в процесс перестройки оптики внесла школа «Анналов», основанная во Франции в конце 1920-х гг. историками Марком Блоком и Люсьеном Февром. В рамках сформированной ими «новой исторической науки» внимание ученых сместилось с событийно-политического нарратива и истории элит к долгим структурам, ментальностям и повседневным практикам. Один из лидеров второго поколения школы «Анналов» Фернан Бродель предложил рассматривать прошлое в перспективах большой длительности и структур повседневности. Эта оптика стимулировала интерес к личным свидетельствам – дневникам, письмам, мемуарам, путевым записям – как к ключевым носителям историко-психологической и культурной информации и открыла дорогу систематическому изучению образа жизни, привычек и повседневного опыта обычного человека [9, с. 41].

В 1980–1990-е гг. история повседневности получила наибольшее институциональное и терминологическое оформление в германоязычной школе *Alltagsgeschichte*. Один из главных теоретиков этого направления Альф Людтке, признавая условность термина, подчеркивал, что он «оправдывает себя как самая краткая и содержательная формулировка, полемически заостренная против той историографической традиции, которая исключала повседневность из своего видения» [10, с. 77]. По наблюдению М. М. Крома, эта программа сближалась с микроисторией и исторической антропологией [11]. В центре внимания немецких ученых была повседневность «маленьких» людей, но не как «массы» или класса, а на уровне отдельных индивидов и семей. Исследователи пытались осмыслить способы, которыми эти люди пользовались, осваивая мир, в котором они жили.

Представители микроисторического направления, оформившегося в Италии в 1970-е гг. (Карло Гинзбург, Джованни Леви), предложили стратегию «аналитического приближения»: выбор малых единиц наблюдения, густое описание множества деталей, контекстов и реконструкцию социальных

связей по слабым следам из документов личного происхождения, на основе которых можно вывести логические цепочки. Нередко в качестве классического образца упоминается «Монтайо, окситанская деревня» Эммануэля Ле Руа Ладюри – монография, созданная на материале инквизиционных протоколов, демонстрирующая эвристический потенциал голосов «маленьких» людей. Историки, работающие в этом направлении, стали активно использовать различные эго-документальные источники. Социальные историки, историки семьи стали опираться в своих построениях на церковные записи рождений, бракосочетаний, смерти, завещания и другие подобные материалы, рассматривая их не в качестве дополнения, а как первичные источники. Специалисты искали эго-документы, стремясь написать «историю снизу» в противовес традиционной историографии. Историки ментальности также стали изучать эго-документы: наиболее известные примеры – монографии Натали Земон Дэвис «Возвращение Мартина Герра» и Карло Гинзбурга «Сыр и черви», построенные на допросных материалах, судебных свидетельствах и иных текстах, где различим индивидуальный голос и его риторические само-описания. В англоязычной социальной истории показателен корпус работ Линды Поллок, проанализировавшей свыше 500 автобиографий и дневниковых свидетельств XVI–XVIII вв., что позволило пересобрать практики родительства и детского опыта в раннее Новое время [12, с. 17].

Важной особенностью стало регулярное сопоставление эго-документов с институциональными источниками (метрическими, нотариальными, фискальными и др.). Последние не подменяют личные тексты, но задают внешний каркас верификации: уточняют социальный профиль автора, его жизненную траекторию, границы публичности и приватности записи. Тем самым складывается комплексная источниковедческая процедура, включающая жанровую и коммуникативную критику (автор/адресат, цель и режим обращения, ситуация производства текста), нарративный разбор (позиция рассказчика, сюжетные схемы, риторические топосы), а также учет материальности носителя (рукопись/печатное издание, практика ведения тетрадей, правки, вмешательства редактора).

Сдвиг исследовательской оптики от макромоделей к повседневности и микроподходам качественно изменил статус эго-документов: они стали первичными свидетельствами для реконструкции жизненных миров и идентичностей, а не факультативным сопровождением фактов. При этом уточнились и ограничения работы с документами личного происхождения: селективность корпуса и неравная сохранность, зависимость содержания от формы записи и ситуации письма, а также проблема репрезентативности малых кейсов для более широких обобщений. Указанные пределы

интерпретации не отменяют эвристического потенциала, но требуют осторожной экстраполяции и постоянного соотношения личных свидетельств с иными типами источников [13; 14].

Опыт школы «Анналов», истории повседневности и микроистории не только «легитимировал» обращение к эго-документам, но и институционализировал набор процедур их критики. Это открыло возможность для междисциплинарного анализа субъективности в истории – от реконструкции практик повседневности до изучения форм нарративной идентичности – и создало предпосылки для адаптации методологических новшеств в различных национальных исследовательских традициях, включая российскую историографию.

Российские методики работы с эго-документами: от заимствования к институционализации

Перенос указанных новшеств в российский контекст пришелся на 1990-е гг., когда на фоне отказа от идеологизированных схем и расширения доступа к архивам отечественная историография быстро освоила терминологию и методические подходы истории повседневности и микроистории. Документы личного происхождения стали рассматриваться не как иллюстрация событий, а как самостоятельные свидетельства жизненного мира автора, требующие жанрово-коммуникативной критики и сопоставления с серийными институциональными источниками. На этой основе складывались российские практики работы с эго-документами: сначала в формате переводов, экспериментальных курсов и семинаров, затем в форме устойчивых научных центров и проектов. Значимую роль в изучении повседневности сыграли А. Б. Каменский, Н. Л. Пушкарёва, Л. П. Репина (Москва), В. А. Веремченко, М. М. Кром, Б. И. Колоницкий (Санкт-Петербург), И. В. Нарский (Челябинск). Микроисторическое направление консолидировалось вокруг семинара Ю. Л. Бессмертного «История частной жизни» в Институте всеобщей истории Российской академии наук (РАН) (впоследствии – Центр «История частной жизни и повседневности»). Программой площадкой выступал альманах «Казус», издающийся с 1993 г. (с 2010-х по 2020 г. выходил нерегулярно), где обсуждались теоретические и источниковедческие основания микроисторического подхода.

Для российского социогуманитарного знания рубежа XX–XXI вв. история повседневности приобрела особую значимость, поскольку ввела в проблемное поле те явления культуры и социальной жизни, которые ранее оставались на периферии академического внимания. Этот подход позволяет переоценить роль индивидуального опыта в формировании представлений и практик поведения

по сравнению с воздействием политических и институциональных структур: обычный человек оказывается активным субъектом исторического процесса, а не лишь объектом внешних сил. Российская историография получила инструменты для реконструкции «жизненных миров» разных групп, в том числе маргинализированных и локальных сообществ, а также для более тонкого прочтения советского и постсоветского прошлого вне крупных идеологических схем. История повседневности стимулировала междисциплинарные связи (социальная история, антропология, культурная и медиаистория), укрепила источниковедческую критику текстов личного происхождения, задала практику сопоставления эго-документов с серийными институциональными источниками и тем самым повысила прозрачность теоретических обобщений.

По мере расширения корпуса источников в российском научном дискурсе закрепилось понятие «эго-документы». В отечественной науке оно стало активно употребляться в начале XXI в. Теоретические вопросы, связанные с эго-документами и, в частности, с автобиографическим жанром, последовательно разрабатывает Ю. П. Зарецкий [15; 16]. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН под ред. Н. В. Суржиковой выпускает коллективные труды, посвященные теоретическим и практическим аспектам использования эго-документов в исторических изысканиях [17; 18]. По мнению Н. В. Суржиковой, ключевым следствием текущих изменений служит «очевидный дрейф исследовательского интереса историка от изучения событий к изучению состояний» [17, с. 6–7].

Однако в историографическом поле сохраняется неоднородность подходов. По наблюдению Н. М. Филатовой, историков, для которых воспоминания, дневники и переписка составляют один из важнейших массивов источников, можно условно разделить на «традиционалистов», ориентированных прежде всего на источниковедческую критику и проверку фактической достоверности, и «новаторов», акцентирующих внимание на реконструкции субъективного опыта и нарративных стратегий автора [19]. Показателен корпус трудов А. Г. Тартаковского (1931–1999), посвященных преимущественно русской мемуаристике XVIII–XIX вв.: полемизируя, в частности, с П. А. Зайончковским, историк последовательно возражал против упрощения мемуаров и настаивал на их информативности при сохранении строгих источниковедческих критериев.

Таким образом, в российской историографии начала XXI в. наблюдается переход от точечных заимствований к устойчивой методической и организационной инфраструктуре: специализированные семинары и серии сборников, университетские курсы, архивные инициативы по выявлению

и оцифровке дневников и переписки. Это формирует предпосылки для цифровых проектов и корпусных решений.

Проекты, методы, эффекты: текущая повестка изучения эго-документов

С опорой на сложившуюся институциональную базу в России оформился ряд инициатив, в которых эго-документы выступают центральным источником и объектом методологических новаций. В русле отмеченного Н. В. Суржиковой «дрейфа» интереса от событий к изучению состояний особую актуальность приобретают темы идентичности, этничности, религиозности и гендера, а также изучение индивидуального и коллективного опыта. Использование эго-документов дает возможность изучения переломных моментов прошлого с позиции персональной истории и истории идентичностей. Появляется особое понятие «эго-истории» как самостоятельного предметного поля, возникновение которого связано с таким научным направлением, как устная история [20].

Практическим воплощением перечисленных новых подходов стали крупные проекты и центры, посвященные эго-документам. Среди наиболее значимых инициатив можно отметить созданный в 2010 г. в Московском государственном университете Фонд развития гуманитарных исследований «Устная история» – проект, направленный на сбор и публикацию интервью о науке, культуре и повседневности XX в.¹ С 2019 г. при Европейском университете в Санкт-Петербурге действует Центр изучения эго-документов «Прожито» (в 2015–2019 гг. бывший волонтерским проектом), где создан и постоянно пополняется цифровой архив личных свидетельств².

Серьезный интерес к эго-документам отражается и в научных мероприятиях последних лет. На протяжении десятилетия регулярно проводятся тематические конференции и круглые столы, посвященные источникам личного происхождения: «Эго-документальное наследие российской провинции XVIII–XXI вв.: проблемы выявления, хранения, изучения, публикации» (Тверь, 2014), «Эго-документы XX века: литература, культура, история» (Саратов, 2019), «Эго-документы о повседневности периода Великой Отечественной войны» (Санкт-Петербург, 2022) и др. Помимо этого, в 2022 г. в Государственной публичной научно-технической библиотеке Сибирского отделения РАН (Новосибирск) запущен научный проект «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ Востока России:

проблемы выявления, атрибуции и публикации». В его рамках выходят публикации, содержащие осмысление значимости эго-документов при изучении проблем идентичности и исторической памяти [21–23].

С методологической точки зрения важнейшей чертой текущей повестки стало развитие междисциплинарного подхода: при рассмотрении феномена эго-документов активно синтезируются методы истории, антропологии, социологии и других смежных дисциплин. Обозначенный подход обеспечивает более комплексное понимание изучаемых явлений, объединяя различные методы и теоретические перспективы. Таким образом, исторический анализ обогащается инструментарием смежных наук: антропология позволяет раскрыть культурные ценности, обычаи и символы, окружающие автора источника, а социология выявляет социальные структуры, роли и статусы, влияющие на личность и отраженные в эго-текстах. Тем самым личные свидетельства интерпретируются не только как автобиографические тексты, но и как источники социальной памяти, коллективной идентичности и культурных практик.

Параллельно идет активное освоение цифровых технологий в работе с эго-документами. Можно выделить несколько ключевых направлений такого развития:

- 1) использование технологии оптического распознавания символов (optical character recognition, OCR), позволяющей быстро оцифровывать большие объемы рукописных и печатных документов, делая их текст доступным для поиска и дальнейшего анализа;
- 2) создание электронных архивов эго-документов, дающих возможность систематизировать и хранить последние в структурированном виде, что обеспечивает быстрый поиск, фильтрацию и доступ к материалам и облегчает исследовательскую работу;
- 3) публикация эго-документов в электронных форматах через специализированные платформы, онлайн-архивы и электронные журналы, обеспечивающая широкую доступность и возможность обмена материалами между исследователями и широкой публикой (по примеру деятельности Центра «Прожито»);
- 4) использование автоматизированных средств лингвистического анализа текста, позволяющих выявлять ключевые темы, паттерны и связи внутри документов, что способствует быстрому и эффективному пониманию содержания и контекста эго-документов.

Совокупность этих цифровых подходов значительно расширяет доступность эго-документов, ускоряет их анализ и открывает новые горизонты для интерпретации таких источников. Благодаря таким методологическим новациям, исследователи

¹ О проекте // Устная история : сайт. URL: <https://oralhistory.ru/about> (дата обращения: 25.11.2025).

² Центр «Прожито» ЕУСПб // Прожито : сайт. URL: <https://prozhitto.org/page/about/> (дата обращения: 25.11.2025).

получили возможность более глубоко изучать процессы формирования идентичности и механизмы коллективной памяти на основе личных свидетельств. Не случайно эго-документы сегодня рассматриваются как ключевые материалы для анализа идентичности и исторической памяти, поскольку они непосредственно отражают субъективные переживания, взгляды и социальный контекст своих создателей.

Исследование идентичности с опорой на эго-документы предполагает анализ автобиографических текстов (воспоминаний, дневников, писем и т. п.), позволяющих проследить субъективное восприятие человеком собственной жизни, социальных ролей, ценностей и убеждений и таким образом – понять, как складывается индивидуальная идентичность в конкретном историческом контексте. Последовательный анализ записей одного автора, например многолетнего дневника, дает возможность увидеть динамику личностных изменений, периоды кризисов и самоопределения.

Не менее значителен вклад эго-документов в изучение коллективной памяти. Воспоминания, дневники и автобиографии отражают, как на протяжении жизни человека эволюционирует его восприятие самого себя и окружающего мира; эти изменения резонируют с переменами в коллективных представлениях о прошлом [22, с. 21]. Анализ таких свидетельств позволяет установить, каким образом ключевые события прошлого воспринимались и интерпретировались в обществе. Кроме того, эго-документы нередко фиксируют в тексте традиции, обычаи и ценности, передаваемые из поколения в поколение, тем самым отражая процессы формирования исторической памяти в конкретных сообществах.

Заключение

Философские основания интереса к эго-документам – герменевтика понимания, феноменологический «жизненный мир» и теория нарративной идентичности – задали язык описания субъективного опыта и обосновали методологическую легитимность обращения к личным свидетельствам. Через дильтеевское различие «наук о духе» и установку на понимание, через феноменологическую редукцию как внимание к способам данности опыта и идею конструирования самости в рассказе эго-документы предстали не как побочный материал к фактам, а как особый тип источника, в котором «Я» одновременно является субъектом опыта и письма.

Вслед за этим философским обоснованием в зарубежной историографии сложились устойчивые практики работы с источниками личного

происхождения. Оптика школы «Анналов», ориентированная на длительные структуры и ментальности, программа *Alltagsgeschichte* с ее фокусом на повседневность «маленьких» людей и микроисторическая стратегия аналитического «приближения» консолидировали набор процедур: жанрово-коммуникативную и нарративную критику, внешнюю верификацию по серийным институциональным данным, учет материальности записи.

На этом фоне российская историография с 1990-х гг. прошла путь от заимствований к собственной инфраструктуре: специализированные семинары и центры, серии публикаций, архивные инициативы по выявлению и оцифровке личных текстов. Освоение истории повседневности и микроистории сопровождалось укреплением источниковедческой критики и поворотом к реконструкции «жизненных миров». Сформированная таким образом институциональная и методическая база обеспечила переход к текущей повестке, где эго-документы выступают центральным массивом данных в крупных проектах и цифровых архивах, сочетающих исторический, антропологический и социологический инструментарий. Оцифровка, электронные репозитории и автоматизированный лингвистический анализ позволили специалистам работать с идентичностью и коллективной памятью на новом уровне детальности, проследить динамику «я-повествования» и связывать индивидуальные самоописания с социальными контекстами.

Дальнейшие перспективы использования эго-документов видятся в междисциплинарном сближении (история, антропология, социология), а также в расширении сравнительных исследований и использовании цифровых методов анализа. Эти направления позволяют соотносить уникальность индивидуальных свидетельств с механизмами коллективной памяти без утраты контекстуальной глубины и источниковедческой строгости.

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН «Эго-документы по истории Великой Отечественной войны и других военных конфликтов XX века из архивохранилищ востока России: проблемы выявления, атрибуции и публикации», проект № 123011300094-0

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликтов интересов, требующих раскрытия в этой статье.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Список литературы

1. Зарецкий Ю. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2021. № 3. С. 184–199.
2. Дильтей В. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. Введение в науки о духе: опыт полагания основ для изучения общества и истории. Москва : Дом интеллектуал. кн., 2000. 762 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // *Культурология. XX век : антология*. Москва, 1995. С. 297–330.
4. Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности. К реконструкции концепции Поля Рикёра // *Социологическое обозрение*. 2012. Т. 11, № 2. С. 100–121.
5. Рикёр П. Я-сам как другой. Москва : Изд-во гуманитар. лит., 2008. 416 с.
6. Райх К. Г. Вильгельм Дильтей о возможности анализа исторических процессов с помощью автобиографий // *Общество: философия, история, культура*. 2022. № 10. С. 66–70. DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.10>
7. Зарецкий Ю. П. История субъективности и история автобиографии: важные обновления // *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*. 2012. № 3. С. 218–232.
8. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // *Этнографическое обозрение*. 2004. № 5. С. 3–19.
9. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Т. 1. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Москва : Прогресс, 2006. 623 с.
10. Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // *Социальная история : ежегодник, 1998/99*. Москва, 1999. С. 77–100.
11. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // *История повседневности*. Санкт-Петербург, 2003. С. 7–14.
12. Дунаева Ю. В. Эго-документы в исторической науке XX – начала XXI в. (сводный реферат) // *Социальные и гуманитарные науки. Серия 5, История*. 2017. № 3. С. 14–21.
13. Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte / hrsg. von W. Schulze. Berlin : Akademie Verlag, 1996. 348 s.
14. Egodocuments and history: autobiographical writing in its social context since the Middle Ages / ed. by R. Dekker. Hilversum : Verloren, 2002. 192 p.
15. Зарецкий Ю. П. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // *Автор и биография, письмо и чтение : сб. докл. междисциплинар. исслед. семинара фак. философии НИУ ВШЭ* (Москва, февр. – апр. 2011 г.). Москва, 2013. С. 24–41.
16. Зарецкий Ю. П. Теория литературных жанров и некоторые вопросы исторического изучения автобиографических текстов // *Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации*. Москва, 2005. С. 159–173.
17. *История в эго-документах : исслед. и источники / редкол.: Н. В. Суржикова (гл. ред.) [и др.]*. Екатеринбург : АСПУр, 2014. 368 с.
18. *Россия 1917 года в эго-документах : воспоминания / авт.-сост.: Н. В. Суржикова [и др.]*. Москва : РОССПЭН, 2015. 515 с.
19. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // *Документ и «документальное» в славянских*

культурах: между подлинным и мнимым. Москва, 2018. С. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.31168/0402-2.2>

20. Румянцева М. Ф. Эго-история и эго-источники: соотношение понятий // *История в эго-документах : исслед. и источники*. Екатеринбург, 2014. С. 32–40.
21. Козлов С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти // *Библиосфера*. 2022. № 4. С. 5–11. DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-4-5-11>
22. Козлов С. В. Эго-документы как ресурс для формирования региональной идентичности // *Труды ГПНТБ СО РАН*. 2024. № 4. С. 19–26. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-4-19-26>
23. Посадсков А. Л. Эго-документы и «войны памяти»: опыт России XX – начала XXI в. // *Современные проблемы книжной культуры: основные тенденции и перспективы развития : материалы XVI Белорус.-Рос. науч. конф. (Москва, 22–23 нояб. 2023 г.)*. Москва, 2023. С. 465–481.

References

1. Zaretskii Yu (2021) Ego-documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture* 3: 184–199. (In Russ.).
2. Dilthey W (2000) Collected works. In 6 vols. Vol. 1. Introduction to the human sciences: an attempt to lay a foundation for the study of society and history. Moscow: Dom intellectual. kn. (In Russ.).
3. Husserl E (1995) Philosophy and the crisis of European man. *Kul'turologiya. XX vek: antologiya*. Moscow, pp. 297–330. (In Russ.).
4. Tétaz JM (2012) Narrative identity as a theory of practical subjectivity. An essay on reconstruction of Paul Ricoeur's theory. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 11 (2): 100–121. (In Russ.).
5. Ricoeur P (2008) Oneself as another. Moscow: *Izd-vo gumanitar. lit.* (In Russ.).
6. Raikh KG (2022) Wilhelm Dilthey on the possibility of analyzing historical processes through autobiographies. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* 10: 66–70. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24158/fik.2022.10.10>
7. Zaretskii YuP (2012) The history of subjectivity and the history of autobiography: important updates. *Neprikosnovennyi zapas: debaty o politike i kul'ture* 3: 218–232. (In Russ.).
8. Pushkareva NL (2004) The subject and methods of studying the "history of everyday life". *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 3–19. (In Russ.).
9. Braudel F (2006) Structures of everyday life: the possible and the impossible. Vol. 1. Material civilization, economy and capitalism, 15th–18th centuries. Moscow: Progress. (In Russ.).
10. Lüdtke A (1999) What is the history of everyday life? Its achievements and prospects in Germany. *Sotsial'naya istoriya: ezhegodnik, 1998/99*. Moscow, pp. 77–100. (In Russ.).
11. Krom MM (2003) Everyday life as a subject of historical research (instead of a preface). *Istoriya povsednevnosti*. Saint Petersburg, pp. 7–14. (In Russ.).
12. Dunaeva YuV (2017) Ego-documents in the historical science of the 20th – early 21st centuries (summary). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Seriya 5, Istoriya* 3: 14–21. (In Russ.).
13. Schulze W (Hrsg.) (1996) Ego-Dokumente: Annäherung an den Menschen in der Geschichte. Berlin: Akademie Verlag.
14. Dekker R (ed.) (2002) Egodocuments and history: autobiographical writing in its social context since the Middle Ages. Hilversum: Verloren.

15. Zaretskii YuP (2013) New approaches to the study of self-testimony in European research in recent years. *Avtor i biografiya, pis'mo i chtenie: sb. dokl. mezhdistsiplinar. issled. seminara fak. filosofii NIU VShE (Moskva, fevr. – apr. 2011 g.)*. Moscow, pp. 24–41. (In Russ.).

16. Zaretskii YuP (2005) Theory of literary genres and some issues of the historical study of autobiographical texts. *Novyi obraz istoricheskoi nauki v vek globalizatsii i informatizatsii*. Moscow, pp. 159–173. (In Russ.).

17. Surzhikova NV [et al.] (eds) (2014) History in ego documents: research and sources. Yekaterinburg: AsPUr. (In Russ.).

18. Surzhikova NV [et al.] (auth.-comps) (2015) Russia in 1917 in ego-documents: memories. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.).

19. Filatova NM (2018) Approaches to the study of ego-documents in modern historical science in light of the "linguistic turn". *Dokument i "dokumental'noe" v slavyanskikh kul'turakh:*

mezhd podlinnym i mnimym. Moscow, pp. 24–40. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.31168/0402-2.2>

20. Rumyantseva MF (2014) Ego-history and ego-sources: the relationship of concepts. *Istoriya v ego-dokumentakh: issled. i istochniki*. Yekaterinburg, pp. 32–40. (In Russ.).

21. Kozlov SV (2022) Ego-documents in the structure of historical memory. *Bibliosfera 4*: 5–11. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20913/1815-3186-2022-4-5-11>

22. Kozlov SV (2024) Ego-documents as a resource for the formation of regional identity. *Trudy GPNTB SO RAN 4*: 19–26. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-4-19-26>

23. Posadskov AL (2023) Ego-documents and "memory wars": the experience of Russia in the 20th – early 21st centuries. *Sovremennye problemy knizhnoi kul'tury: osnovnye tendentsii i perspektivy razvitiya: materialy XVI Belorus.-Ros. nauch. konf. (Moskva, 22–23 noyab. 2023 g.)*. Moscow, pp. 465–481. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию / Received 26.11.2025

Получена после доработки / Revised 29.01.2026

Принята для публикации / Accepted 02.03.2026